

Шимукович С. Ф.

ГУО «Республиканский институт высшей школы» (г. Минск, Республика Беларусь)

ОТ ФИЛОМАТА ДО РЕКТОРА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: О. М. КОВАЛЕВСКИЙ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ

Начало XIX в. в истории европейского континента отмечено значительными изменениями, которые затронули почти все сферы социальной, политической, экономической активности человека. В это время происходило становление и окончательное закрепление буржуазного общества с его ценностями и нормами поведения [1]. В рамках бурных трансформаций непосредственный интерес представляет участие представителей групп элит в реализации самых разных проектов, в поступательном развитии своего региона или страны. Представители интеллектуальной, научной элиты наиболее полно могли реализовать свой потенциал только в стенах научных либо учебных институтов – университетов и академий наук.

Как отмечает российский историк Д. А. Литошенко, университеты к концу XVIII – началу XIX в. так же прошли сложный период трансформации, который привел к замене средневековой модели университетом нового типа. Исследователь отмечает явное усиление влияния государства на учреждения образования, «...включение их в функциональный контур действовавшего политико-административного макромеханизма, что способствовало повышению уровня управляемости университетами» [6, с. 18]. Параллельно происходило формирование новой комплексной университетской идеологии, которая включала не только идеологию образования, но и идеологию университетского сообщества и идеологию социального инжиниринга, т. е. активного включения в общественные процессы за стенами учебного заведения. В конце XVIII в. университеты активно интегрировались как в социальную ткань общества, так и интенсифицировали научные контакты внутри европейского университетского сообщества. Таким образом, «...университетское сообщество в значительной степени повлияло на формирование элитарных групп, функционирующих в обществах вовлечённых в процесс складывания государства современного типа...» [6, с. 18–24].

Одной из таких элитарных групп, на наш взгляд, является научная и интеллектуальная элита, представленная академическими учеными и

профессурой университетов. Данную группу можно и нужно изучать, в том числе используя методы просопографии. Как отмечает французский исследователь Ж. Дюма, элиты нового времени являются приоритетным предметом исследований с помощью данного метода, поскольку наличествует достаточно архивных материалов для качественного анализа. «Выделение такой группы позволяет одновременно выявить ее границы и увидеть, в чем она является элитой и каким образом она обозначает свое преимущественное положение в обществе» [4, с. 123–124].

В начале XIX в. в белорусском регионе распространяли свое влияние два высших учебных заведения, имевших статус университета. Это Виленский университет, который вел свою традицию с середины XVI в. от иезуитской академии, и Полоцкая иезуитская академия, которая пользовалась правами университета непродолжительный период с 1812 по 1820 г. Виленский университет с 1803 г. являлся центром учебного округа и, соответственно, был включен в функциональный контур действовавшего политико-административного макромеханизма Российской империи. Однако почти вся деятельность университетского сообщества носила явно оппозиционный характер и не содействовала решению задачи по интеграции присоединенного региона в состав империи. Университет стал центром интеллектуального идеологического противостояния с имперскими властями, местом подготовки представителей региональных элит, предлагавших и пытавшихся реализовать альтернативные проекты политического развития данного региона. После раскрытия деятельности тайных обществ в 1820-х гг. и самого активного участия студентов и части преподавателей в восстании 1830–1831 гг. власти приняли решение закрыть оппозиционный университет. Стоит отметить, что Виленский университет был одним из крупнейших в империи, а это значит, что с этого момента для сотен молодых людей значительно усложнились условия получения высшего образования, а ученые и преподаватели лишались возможностей для полноценной профессиональной деятельности в границах родного региона. С этого момента студенты могли обучаться в других университетах Российской империи либо Европы, однако эта ситуация вела к увеличению расходов на обучение. Талантливая молодежь так же могла делать научную карьеру за пределами своего региона, но при этом зачастую теряя тесную связь с родиной.

Одним из научных центров Российской империи являлся Казанский университет. В этом самом удаленном учебном и научном центре за весь период его существования в качестве императорского (1804–1917)

в разные периоды на преподавательских и административных должностях работали десятки уроженцев белорусского региона. Некоторые из них прославили и свое имя, и университет (О. М. Ковалевский, Е. В. Адамюк, Д. И. Дубяго, И. М. Догель, К. В. Харлампович и др.). Сложилось даже династии ученых, работавших в Казанском университете (Ковалевские, Догели, Адамюки). Деятельность уроженцев западных территорий империи достаточно полно представлена в биографическом указателе профессоров и преподавателей, изданном к столетнему юбилею Казанского университета в 1904 г. [2].

Одним из наиболее известных профессоров Казанского университета был Осип Михайлович Ковалевский, уроженец Гродненской губернии. Его жизненный и научный путь достаточно активно изучался уже в XX в. – исследователей интересовала не только его научная деятельность, но и общественная деятельность, позиция по важным социальным и политическим событиям. При том, что о О. М. Ковалевском подготовлено достаточно исследований [3; 10; 11; 12], некоторые моменты его научной и общественной деятельности, а так же личной жизни требуют уточнения. Определенные возможности для детализации обстоятельств жизни ученого (в том числе семейной) дают документы фонда Казанского университета (Совет университета, ректорат, историко-филологический факультет), а также фонды попечителя Казанского учебного округа. Они хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан.

Обстоятельства появления О. М. Ковалевского в Казани связаны с попытками имперских властей придать Виленскому университету характер учебного заведения, следующего государственным интересам Российской империи. Для этого в университете необходимо было подавить оппозиционные настроения и ликвидировать действующие тайные общества. М. О. Ковалевский был участником обществ филоматов и филаретов и, соответственно, попал под следствие. Исследователи жизни ученого отмечают, что общественная деятельность была у молодого ученого на втором месте, приоритетом для него изначально являлась наука. В некотором роде данное обстоятельство определило дальнейшую судьбу ученого. Вместе с И. Верниковским и Ф. Кулаковским Осипа Ковалевского направили в ссылку в Казань. Однако, учитывая способности молодых людей и их желание далее заниматься научной деятельностью, определили в ведение Казанского университета для изучения восточных языков (но под особым надзором полиции). Биография О. М. Ковалевского содержит интересный факт: находясь под особым надзором, с 25 сентября 1825 г.

он был в должности комнатного надзирателя, а с 29 января 1827 г. – помощника инспектора студентов [2, ч. 1, с. 232].

Выполнение функциональных обязанностей на данных должностях предполагало и отслеживание уровня верноподданнических настроений среди студентов. Сам ученый был освобожден от надзора только в 1832 г. – после возвращения в Казань из многолетней экспедиции на Восток, научные результаты которой принесли ему общероссийскую и мировую известность. Вероятно, именно в это время для О. М. Ковалевского активная общественно-политическая деятельность в интересах польского движения потеряла актуальность, в абсолютный приоритет была поставлена наука. Вероятно, на данный выбор повлияло и происхождение ученого. Исследователи отмечают, что он родился в семье униатского священника, вероятно белоруса по происхождению. Некоторые российские исследователи указывают на его польское происхождение: мать ученого исповедала католицизм, и дети были крещены в костеле. Изначально О. М. Ковалевскому не был свойственен избыточный польский патриотизм.

В отличие от своего товарища по ссылке, талантливый молодой исследователь Иван (Ян) Антонович Верниковский (происходил из шляхетского рода Игуменского уезда Минской губернии), также высланный в 1824 г. из Вильно в Казань, приоритеты выстроил иначе. В 1832 г. с него также сняли особый надзор. Однако уже 20 сентября 1834 г. он был отдан под суд за активное участие в политической антиправительственной деятельности – в частности, за «антиправительственную пропаганду в западном крае» (по т. н. «делу Заблоцкого») и был выслан в Вятку [2, ч. 1, с. 53–54].

Для О. М. Ковалевского, после возвращения из длительной научной командировки, стояла задача обработать и опубликовать собранный материал. А это были не только записи, но и материальные ценности. По материалам деканата историко-филологического факультета в 1835–1837 гг. у Ковалевского (на начало процедуры он был еще адъюнктом) были выкуплены редкости – китайские, монгольские, маньчжурские костюмы, изображения буддийских божеств, богослужебные вещи, монеты, картины, книги и др. на сумму 4480 рублей ассигнациями (подробный список вещей прилагался). При этом отмечалось, что данные предметы исследователь приобретал, путешествуя через Монголию, Китай и бурятские земли по поручению попечителя Казанского учебного округа. Коллекция была выкуплена в несколько этапов и распределена частично в библиотеку университета, частично в кабинет редкостей [17].

По возвращению из экспедиции О. М. Ковалевский успешно прошел испытания в Академии наук и 25 июля 1833 г. получил назначение адъюнкт-профессором Казанского университета по кафедре монгольского языка [2, ч. 1, с. 233]. Тем не менее, полностью сосредоточиться исключительно на восточной тематике (в частности, монгольском языке) не всегда получалось. Так, в 1835 г. университет поручил Ковалевскому читать лекции по латинскому языку [7], а в 1837–1839 гг. – по всеобщей истории [2, ч. 1, с. 233]. Тем не менее, в течение нескольких лет он смог издать ряд своих главных работ по грамматике и морфологии монгольского языка, которые принесли мировую славу.

Академическая карьера О. М. Ковалевского развивалась достаточно стремительно: в 1835 г. он уже экстраординарный профессор, а ординарным профессором стал в 1837 г. и тогда же был избран и утвержден деканом факультета (в дальнейшем неоднократно переизбирался) [2, ч. 1, с. 233]. В 1838 г. в университет пришло уведомление об избрании профессора О. М. Ковалевского членом-корреспондентом Академии наук [8].

В 1855 г. Осип Михайлович был назначен ректором Казанского университета и выполнял данные функции до 1860 г. [14]. Назначение утвердил император Николай I. Более того, доверие Ковалевскому со стороны властей было так велико, что в ведение ректора университета находилось цензурирование периодических изданий «Казенные губернские новости» и «Записки экономического общества». В 1860 г., с увольнением О. М. Ковалевского с должности ректора, эта функция была в принципе снята с ректора университета и передана утвержденным в Казани особым цензорам [15].

Вместе с успешной академической карьерой бывший политический неблагонадежный был осыпан всевозможными российскими и зарубежными наградами, знаками отличия, почетными званиями. Просматривая многочисленные дела о награждениях профессоров Казанского университета за 1830–1850-е гг., ловишь себя на мысли, что фамилия О. М. Ковалевского встречается в документах на награждение чаще, чем чья либо. В 1838, 1840 и 1843 годах Ковалевский получал благодарности попечителя учебного округа (опись 4 дел Совета университета, дела 2212; 2330; 2578), в 1844 г. награжден сразу двумя орденами – Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира (опись 4 дел Совета университета, дела 2604 и 2697). Знаки отличия беспорочной службы получил в 1842 и 1851 гг. (опись 4 дел Совета университета, дела 2551 и 3232). А ведь были и другие награды.

Случались и сбои в данном водопаде знаков внимания со стороны российских властей. Так, российский исследователь О. Н. Полянская отмечает, что в 1847 г. О. М. Ковалевский был избран ординарным профессором Академии наук по части восточной словесности, однако Николай I вычеркнул его из списков академиков, предположительно, по политическим соображениям [18, с. 26]. Тем не менее уже 31 декабря 1849 г., Ковалевский получает через попечителя учебного округа извещение о «монаршем благоволении» [12].

Широкое признание заслуг ученого ориенталиста пришло от европейских коллег и правительств. Особенно отметили заслуги ученого официальные власти Пруссии. Еще в 1838 г. прусский король наградил О. М. Ковалевского золотой медалью, в 1846 г. – еще одной, а в 1850 г. попечитель учебного округа вновь известил руководство университета о вынесении благодарности прусским королем профессору О. М. Ковалевскому (опись 4 дел Совета университета, дела 2214; 2902; 3204). Такое признание научных заслуг, вероятно, связано с активным использованием научных работ Ковалевского по монгольскому языку и космологии в Берлинском университете, где формировалась собственная сильная школа ориенталистики.

В 1839 г. из Парижа пришло извещение об избрании О. М. Ковалевского почетным членом Парижского королевского азиатского общества [10], а в 1844 г. профессор был избран действительным членом Королевского Датского общества северных антикваров [11].

Интересно то, что формулярные списки служащих Казанского университета, равно как и документы на награждения, не содержат сведений об участии О. М. Ковалевского в деятельности тайных студенческих обществ в Виленском университете. Польский ориенталист белорусского происхождения Владислав Котвич, автор одной из биографий Ковалевского, отмечает, что только по итогам восстания 1863–1864 г. произошла полная «реабилитация» учёного российскими властями, и из служебного формуляра было вычеркнуто «филоматское прошлое» [20, р. 129, 133]. Однако служебный формуляр служащих в Казанском университете за 1858 г., когда О. М. Ковалевский являлся его ректором, уже не содержит даже намека на непростые обстоятельства его приезда в Казань. Там кратко было расписано начало научного пути ученого: из Гродненской гимназии поступил в Виленский университет, по итогам прослушивания стал кандидатом. Для изучения восточных языков по высочайшему повелению переведен в Казанский университет [13, л. 1–2]. Дополнительные обстоятельства перевода не указываются, об участии в антиправительст-

венной деятельности нет ни слова, ни намека. Зато в данном формуляре можно найти информацию о семье ректора. В 1858 г. он был женат на Анне Андреевой (в том году исполнилось 20 лет их супружеской жизни), у них было два сына и дочь, супруга и все дети были православного вероисповедания, в то время как сам Ковалевский последовательно придерживался римско-католической веры [13, л. 2].

Многие исследователи указывают на отсутствие сведений о супруге ученого, считая, что кроме имени и вероисповедания документы ничего не сохранили. Тем не менее, в делах Совета Казанского университета сохранилось свидетельство на вступление в брак, выданное профессору Ковалевскому О. М. Оно проясняет ситуацию с семейным положением ученого. 11 июня 1838 г. Осип Михайлович обратился в Совет университета с просьбой выдать ему свидетельство для предъявления священнику, в котором бы было отмечено о его положении холостяка и наличии для вступления в брак законных лет. При этом пояснял, с кем он хочет заключить семейный союз: «Намерен вступить в брак с дочерью покойного Андрея Соколова, священника Костромского, воспитанницей Казанского губернского предводителя дворянства П. М. Еремеева, девицей Анной Андреевой» [9].

Таким образом, нам становится известно не только полное имя супруги ученого, но и ее социальный статус. Анна Андреевна Соколова была дочерью русского православного священника. Здесь стоит вспомнить, что сам Осип Михайлович был сыном униатского священника, который также происходил из семьи униатского священника [5, с. 270]. В семье О. М. Ковалевского все дети были православными: видимо, вероисповедание детей определяла их мать Анна Андреевна. Это напоминает ситуацию в семье отца Осипа – Михаила Ковалевского, униатского священника, где мать будущего ученого была католичкой. И католиками стали Осип и оба его брата.

Все эти факты слабо вписываются в стереотип обязательного поведения «польского патриота», коим О. М. Ковалевский выделялся в польском обществе, где помнили о его филломатском прошлом и дружбе с Адамом Мицкевичем. Одновременно исследователи отмечают высокий уровень доверия к О. М. Ковалевскому со стороны российских властей, в том числе и после его переезда в Варшаву, где он с сентября 1862 г. стал профессором Главной школы и деканом историко-филологического факультета (позднее – Варшавского университета). Владислав Котвич отмечает, что Ковалевскому не удалось влиться в польскую научную и общественную среду. Причиной он считал космополитизм

Осипа Михайловича, который не воспринимали радикально настроенная польская интеллигенция и особенно студенчество [20, р. 127]. Полагая, что не столько космополитизм стал причиной остракизма известного ученого, сколько значительная трансформация его политических взглядов, которая прошла эволюцию от революционных идей тайных студенческих обществ 1820 гг. до демонстративного проявления лояльности российским властям в ходе восстания 1863–1864 гг.

О. М. Ковалевский руководствовался скорее принципами объективной рациональности и действовал в пользу науки и образования. В материалах ректората Казанского университета хранится один интересный документ, который напрямую не соотносится с Ковалевским, но по косвенным признакам Осип Михайлович вполне может иметь отношение к его появлению. Речь идет о просьбе Начальника гражданского Управления Царства Польского на имя наместника императора в Варшаве великого князя Константина Николаевича о содействии в пополнении фондов Главной библиотеки в Варшаве книгами из российских университетов. В Казанский университет данная просьба поступила в августе 1862 г. [16, л. 7–8]. Вполне вероятно, что такую необходимость с Начальником гражданского Управления Царства Польского оговаривал О. М. Ковалевский, который переехал в Варшаву в начале 1862 г., для дальнейшей работы в Главной школе. Плачевное состояние Главной библиотеки могло его неприятно озадачить, одновременно он мог располагать информацией как о дубликатах ценных книг библиотеки Казанского университета, так и о польских собраниях в ее хранилищах (книги из библиотеки Залусского, библиотеки бывшего Александровского университета и т. д.). В итоге список книг, передача которых в Варшаву стала возможной без негативных последствий для университетской библиотеки Казани, насчитывал более сотни позиций [16, л. 10–17 об.].

Деятельность О. М. Ковалевского, как и деятельность подавляющего большинства других уроженцев белорусских земель – профессоров Казанского императорского университета – ограничивалась преимущественно научными интересами и общественными инициативами в рамках места их пребывания. Об этом свидетельствуют их биографические сведения [2]. Вынужденная оторванность от родных мест корректировала приоритеты представителей данной элитарной группы в пользу преимущественно научной и образовательной деятельности, но не участия в общественно-политической жизни. У них формировался «безопасный» уровень лояльности имперским властям, что в целом способствовало процессам имперской унификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ананьева А.* «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // *Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия.* М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 322.
2. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина.* Казань: Казан. ун-т., 1904. 455 с.
3. *Валеев Р. М.* [и др.]. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань : Алма-Лит, 2004. 288 с.
4. *Дюма Ж.* Об изучении элит в современной историографии / пер. с франц. Ю. П. Крыловой // *Французский ежегодник = Annuaire d'etudes fransaises.* Т. 33. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 126–137
5. *Лісейчыкаў Д.* Святар у беларускім соцыуме: праспапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. Мінск : Беларусь, 2015. 719 с.
6. *Литошенко Д. А.* Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков : автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004. 26 с.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Фонд 977. Опись 4 «Совет». Дело 2063. Лист 1.
8. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2215. Л. 1–2.
9. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2258. Л. 1–2.
10. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2276. Л. 1–3.
11. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2702. Л. 1.
12. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 3122. Л. 1–2.
13. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 4175. Л. 1–2.
14. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 3799. Л. 1–8.
15. НАРТ. Ф. 977. Оп. 5 «Ректор». Д. 1461. Л. 1–5.
16. НАРТ. Ф. 977. Оп. 5 «Ректор». Д. 1556. Л. 7–8.
17. НАРТ. Ф. 977. Оп. 12 «Историко-филологический факультет». Д. 242. Л. 1–3.
18. *Полянская О. Н.* О. М. Ковалевский исследователь Центральной Азии // *Вестник Евразии.* 2001. № 4. С. 20–34.
19. *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1983. 112 с.
20. *Kotwicz W.* , 1801–1878: Ze wstepem M. Lewickiego, bibliografia opracowana przez M. oraz niewydana korespondencja Kowalewskiego // *Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego.* Ser. A. № 11. Wrocław : Wrocł. Tow. Naukowe, 1948. 207 p.